

Рубинский Ю.И.¹

Война и моя семья²

Первый и последний день войны я помню очень хорошо.

Первый день. Я, конечно, не слышал речи Молотова. Но уже знал, что произошло, тут же родители сказали, хотя не представлял, что это такое. Я был с мамой за городом, то ли на даче, то ли в доме отдыха. Отец за нами сразу приехал, и мы вернулись домой. Я выбежал во двор. Бежит мой приятель, мальчишка десяти лет. И говорит: «Слушай, у меня такой секрет есть. Но тебе можно сказать. Война началась». Атмосфера после 1937 года оставалась такой, что все было секретом.

Отец даже хотел уйти в армию добровольцем, хотя имел бронь. Но его просто отправили назад. По должности он был толковым специалистом в своей сфере, и, когда наступали немцы, его назначили одним из ответственных за эвакуацию Совнаркома Украины. Нас с мамой он тогда отправил на одном из последних санитарных поездов, эвакуировавших раненых, на Урал.

Когда немцы взяли Харьков, отец уехал в том же направлении, потому что как человека с инженерным образованием его сразу взяли в оборонную промышленность. Она была в основном как раз там, на Урале. И он совершенно случайно нашел нас. Отец знал, что некоторое время – первые месяцы войны – мы провели сначала в Свердловске или Екатеринбурге, потом у родственников в Нижнем Тагиле. Там было устроиться очень тяжело. И мы переехали в Челябинск. Надо сказать, что с отцом связь была полностью потеряна. Когда мы узнали, что Харьков сдан, мы решили, что отец погиб. Мама устроилась на работу экономистом в Наркомат боеприпасов. Его наркомом (министром) был Ванников Борис Львович. Надо отдать должное местным властям и населению: не могу сказать, что эвакуированных встречали с распростертыми объятиями (подселяли принудительно по семьям) или что мы были в какой-то дружбе с теми, куда нас подселяли. Но складывались совершенно нормальные и корректные человеческие отношения, что для меня было очень важно. Враждебности в мой адрес не чувствовал. Хотя эвакуированных так и называли –чужими.

Итак, отца назначили начальником строительства ряда оборонных предприятий на Урале, в Челябинске. А там располагались основные танковые заводы и много других предприятий. Помню, что комплекс предприятий, в строительстве которого участвовал отец, был первый завод снарядов для «Катюш». Потом организовывали танковый завод,

¹ Рубинский Юрий Ильич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН.

² Историки – дети Великой войны : воспоминания. Сост. М. В. Золотухина, И. С. Пичугина. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. С. 259-270.

всякие другие. И вот отец приехал туда, остановился в гостинице. Мама пошла в эту гостиницу в тот же самый вечер искать для меня какое-то лекарство и встретила отца. И, конечно, потеряла сознание, потому что произошло это чисто случайно.

Я очень ясно помню то, что все жили сводками с фронта. Когда шло отступление, для всех это было очень тяжело и страшно. Когда появились успехи, все их переживали с радостью. Действительно, это стало общим чувством. Но не значило, что не было тягот. Когда началась война, все на самом деле почувствовали, что оказались в одной лодке. И действительно, все поражения и победы как-то определяли настроение людей. Обстановка была тяжелая, люди голодали – это я очень хорошо запомнил, несмотря на более-менее благополучное положение нашей семьи.

Война и эвакуация, жизнь на Урале во время войны. Я помню, как на Урале установили карточную систему. Поначалу еще что-то продавали без карточек, помню, какие образовывались жуткие очереди, где просто насмерть давились люди. Это было очень страшно. Голодное время... Из военного быта времен войны помнится рынок, который играл огромную роль. Он был нищий, потому что люди голодали, продавали все, что только можно – продукты, вещи. Некоторые, кстати говоря, на этом наживались. Вместе с тем тяготы распределения оказались весьма избирательны. Существовала часть правительственных учреждений. Там «министерши» (чиновницы) получали так называемое литерное питание – привилегированные карточки. Важнейшей деталью повседневной жизни были пайки, причем весьма разные. И часть продуктов с помощью своих домработниц номенклатура продавала на рынке.

В принципе, атмосфера рынка - бесконечные нищие, инвалиды войны, конечно, бандитизм, – все это было очень заметным. Люди выживали - кто как мог. Я бы сказал, что в этих очень тяжелых условиях общая обстановка в том городе, где мы жили (большой промышленный город), оказалась относительно упорядоченной, анархии не было. При том, что люди отнюдь не одинаково выносили тяготы войны. Основная масса жила очень тяжело и бедно, впроголодь, другая – «верхи» номенклатуры жили в привилегированных условиях. Однако в целом, может быть, даже после войны атмосфера среди людей стала хуже, чем во время войны. Потому что в военные годы люди чувствовали себя будто в одной лодке. Я бы сказал, что тогда советская система в какой-то степени оказалась под давлением необходимости, должна была учитывать положение людей и каким-то образом идти навстречу, в тех пределах, в каких это было возможно.

Положение у нас было вполне обеспеченное, учитывая, где отец работал. И нам дали очень хорошую квартиру. Весь подъезд сверху донизу состоял из работников одного

куста оборонных предприятий: директор завода, начальник строительства, главный инженер, военпред – главный техник.

Я стал свидетелем того, как была устроена жизнь родителей. Мама тоже работала. Они с отцом, конечно, часто ночевали на работе, иногда не возвращались неделями и даже месяцами. Все близкие знакомые, что жили вместе с ними, приезжая с работы домой, играли в преферанс. Это былоеще довоенное увлечение интеллигенции. Мой отец – великолепный игрок, причем, он не был азартным, но очень хорошо просчитывал и всегда выигрывал. Сидели сутками, когда приезжали с работы, в облаках табачного дыма, но при этом пили мало.

Моя жизнь – семья, школа, двор. Сначала учился в одной школе, потом в другой. Особенных, ярких воспоминаний, ни хороших, ни плохих, у меня об этом не осталось. Двор, мальчишки – ничего оригинального сказать не могу – чем именно занимались, во что именно играли. Школу я, в общем, никогда не любил. Другое дело, что я сохранил друзей из последних классов школы. В принципе, советская школа была, конечно, очень бюрократическая, формальная. Никто из школьных учителей у меня большим уважением не пользовался. Были, безусловно, хорошие педагоги, но они «не делали погоды». Школьная «зашоренность», конечно, неизбежна: пионерская организация, комсомольская и т. д., все это было – и я тоже участвовал. И во время войны, и после я не любил *советскую* школу. Я чувствовал себя там, как в чужом доме. Мне противно было – не по содержанию даже, а по организации школьного образования. Я не считаю, что такое наблюдалось у всех. Но сама эта казенщина... Казенная школа, советская казенная школа, в независимости от всяких политических контекстов, измерений вызывала у меня отторжение, потому что, повторяюсь, я себя чувствовал там чужим.

Дома с родителями мы это никак не обсуждали – вопросы об оценках и т. д. Уже потом, в послевоенные годы, то, что тогда происходило в политической жизни, упоминалось редко. Родители в смысле занятий меня никак не направляли. Самое главное, с чем мне повезло, повторяюсь, это доступность книг, то, что я был ими обеспечен как никто. И само отношение к книге – профессиональное со стороны отца - для меня стало уже очень важным.

Были ли у меня ограничения? Мама – человек достаточно строгий. Отец в этом смысле в моем воспитании не участвовал. Какие-то отвлеченные вещи – культурные, политические, тем более, у нас не становились предметом обсуждения - в основном, чисто житейские. Кто был главным в доме? Конечно, мама имела решающее слово в существенных вопросах. Но, так сказать, главой семьи и материально, и по настроению – был папа, то есть он определял... Отец не только зарабатывал, он действительно всегда вел

масштабную и интересную работу. А в житейских вопросах авторитет мамы был совершенно непревзойденным.

Меня баловали в том смысле, что по дому я ни черта не делал. А поскольку мама считала, что лучше нее никто ничего и не сделает, меня она как-то не двигала в этом направлении. Мне трудно сказать, насколько мое воспитание было типичным для моего окружения тогда. Я считаю, что мне с семьей, конечно, повезло.

Во время войны мы, как и все сверстники, обязательно собирали и посылали на фронт всякие посылки (например, вязаные носки). Но во время войны работать я не мог по понятным причинам – просто по возрасту я учился в школе.

Карманных денег в детстве не было, какая-то мелочь. Игрушек особенно не помню. Одно время, правда, я коллекционировал марки. Но это обычное дело. Мечты об игрушках у меня тоже не было. Спортом в школе не занимался, но зато много посвящал спорту (боксу) времени, когда стал студентом. Я очень много увлекался боксом, даже занял второе место на первенстве студентов Москвы. Почему? Мальчишки, которые, в общем, не были уверены в своих силах, искали компенсации.

В Челябинске я ходил в небольшую деревянную читальню, в читальный зал, там было очень удобно. Я по-прежнему много читал. Даже помню, что именно: огромное удовольствие я получил, читая Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки». Хохотал!

Ходили во время войны в баню. Во-первых, это являлось необходимостью. Во-вторых, это было лучше, чем мыться дома, потому что, когда мы жили, как «подселенные», там с этим было сложно, конечно. Когда мы жили отдельно, у нас появилась ванна, и вопрос уже не стоял так остро. Но во время войны в баню было даже приятно ходить четыре километра. Руки мыли, но не то, чтобы это была «обязаловка». Белье стирали, естественно, без каких-либо машин. Сушили на кухне или даже в комнатах.

Одежда – это во время войны не играла совершенно никакой роли. До войны, например, у отца было два костюма. И это очень много! Помню, что второй он привез, когда в 1939 году у него была командировка на Западную Украину, во Львов, как только его присоединили. Он тогда привез какой-то выходной пиджак, который считался невероятно модным...

Последний день войны я тоже очень хорошо помню. Это был, конечно, великий праздник. Все ходили в буквальном смысле пьяные от восторга. Народное гуляние в Челябинске состоялось, но не в виде шествия колонн. Просто как бы стихийный митинг. Я даже помню заявление о том, что отдельные немецкие части продолжают сопротивление,

но их добьют и т. д. Это вызвало тревогу: так закончилось или нет? Но, в принципе, когда война шла к концу, начались салюты, то, конечно, настроение было приподнятое. Общее впечатление было такое, что вышли из очень тяжелого испытания. Ведь сколько гибло людей, родителей тех, кого я хорошо знал!

В Москву мы приехали в 1946 году, Отец перевелся, поскольку его начальник переехал, и его тоже «вытащил». Это было, конечно, очень большое изменение. Мама даже мне всегда (и однозначно) говорила, что во многом это произошло из-за меня. Родители думали о моем высшем образовании, они хотели оказаться в Москве. Отец был на очень хорошем счету в Челябинске. Во время войны у него была «эмка», после войны БМВ, немецкий, трофейный. В Харьков они не вернулись бы, квартира была занята, ситуация стала бы конфликтной. Бабушка умерла уже здесь, в Москве, а старшая сестра мамы умерла еще в Челябинске...

Что думали о немцах? Фашистов ясно, как себе представляли. У меня не было такого ощущения ненависти к немцам как к нации. И когда в Москве на стройке работали военнопленные, я даже останавливался и пытался с ними говорить по-немецки (я учил его в школе). Потом тетя меня очень строго за это ругала. Говорила, ведь это же фашисты...